

Елена

Брусиловская

ТЕАТР – ЭТО ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

Почетным знаком «За заслуги в развитии культуры» Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств награжден заслуженный деятель искусств республики, заслуженный артист РК, кавалер ордена «Курмет», член президиума Союза театральных деятелей Казахстана Михаил Токарев, отметивший в начале нового театрального сезона сразу две юбилейные даты – 70 лет со дня рождения и 45 лет служения на сцене Государственного академического русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова. За эти годы его таланту аплодировали зрители Москвы и Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, многих городов Советского Союза и позже – стран СНГ, где театр побывал на гастролях, участвовал в фестивалях.

В жизни каждого человека наступает время, своего рода рубеж, подойдя к которому, он подводит итоги прожитого. Одни при этом сетуют на судьбу, пеняя ей, что не удалось осуществить многое из задуманного в юности. Другие, оценив сделанное, идут дальше и несмотря ни на что верят в свою счастливую звезду. Вот и Михаил Токарев с полным правом может сказать о себе словами Владимира Высоцкого – «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, / Мне есть чем оправдаться перед Ним».

Он не изменил своей мечте – хотел стать актером и стал им. Сыграв на сцене более ста ролей, от Бабы Яги и до Сальери, определил для себя суть актерской профессии – помогать людям оставаться людьми.

О ТЕАТРЕ

Немало копий сломано в полемике по поводу роли театра в обществе. Владимир Маяковский, например, считал театр увеличительным стеклом. Другие называли театр зеркалом, третьи видели в нем трибуну для воспитания. Есть свое понимание театра и у Михаила Токарева.

– Театр – это увеличительное стекло? Да. Зеркало? Да. Еще в 70-е годы я смотрел «Ревизора» в московском Малом театре. На сцене, перед занавесом, висело огромное зеркало, в котором отражался зрительный зал, и каждый искал в нем

себя. Но вот свет погас, прожекторы осветили зал и раздался голос: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Если вы помните, это эпитафия к гоголевской пьесе. После чего начался спектакль. Вот вам и зеркало.

Моя театральная юность подарила мне встречу с замечательным актером Ефимом Копеляном. Это было в Питере в Большом драматическом театре в начале 70-х годов. Слышал, что перед началом каждого спектакля Ефим Захарович обязательно смотрел в зал. Я его спросил – зачем? И он мне ответил: «Миша, я смотрю в зал и ищу лицо, которое мне понравится, даже не внешне, а внутренне, чтобы было видно, что человек не просто так пришел в театр. И когда я нахожу такое лицо, то весь спектакль играю только для него!» Вот и я с подачи Копеляна тоже часто так делаю.

Театр не может научить, как этого хотелось бы педагогам. Нет. Театр не учит, он заставляет задуматься. Комедия улыбкой и смехом разглаживает морщины. Драма заставляет поразмыслить над нашей жизнью, нашими отношениями. Трагедия – понять, что такое хорошо, а что такое плохо. В этом, я считаю, предназначение театра.

Но при этом театр не должен быть коммерцией. Это не бизнес. Потому что там, где во главу угла ставятся деньги, исчезает искусство, исчезает то возвышенное начало, ради которого когда-то греки и придумали театр. Теряется катарсис, то есть духовное очищение через эмоциональное восприятие происходящего на сцене.

О ЖИЗНИ В ЛЕРМОНТОВСКОМ

– Лермонтовский театр – это вся моя жизнь. Здесь я уже 45 лет. Это больше половины моей жизни, хотя мне всего 30... до ста. (*Смеется.*) Я прихожу сюда, даже если не занят в спектакле, смотрю, что делается на сцене. Здесь я чувствую себя уютнее, чем дома. Я этим живу.

Мне довелось работать с прекрасными актерами – это Евгений Диордиев, Лева Темкин, Евгений Попов, Людмила Петровна Кюн... И такие талантливые имена можно было бы перечислять долго. И режиссеры были прекрасные. Я пришел в театр, когда главным режиссером был Мар Владимирович Сулимов. Это была знаковая фигура во всем театральном мире! Хотя мне довелось работать и с такими крупными режиссерами, как Роман Виктюк... Но Сулимов – это целая эпоха в советском искусстве.

– Ваша первая роль на сцене Лермонтовского театра была в «Тифлисских свадьбах»? Кстати, почему Рубен Андриасян, нынешний художественный руководитель театра, в отношении вас тогда сказал, что в этом спектакле единственный грузин играет русского?

– У меня действительно по отцу грузинские корни, но об этом я расскажу позже. Что же касается этой фразы, то она была произнесена в связи с другим спектаклем. Когда я пришел в Лермонтовский театр, здесь шел спектакль «Не беспокойся, мама» по пьесе Думбадзе, где наши актеры старались играть таких колоритных грузин, клеили горбатые носы... И там была роль сержанта Петрова, на которую меня и ввели. Так я, наполовину грузин, играл русского. (*Смеется.*) Но это был ввод, потому что ушел актер, который играл до меня. А первой моей работой в премьерном спектакле была роль Котэ в прекрасных «Тифлисских

свадьбах», их ставил Рубен Суменович Андриасян, который тогда был еще очередным режиссером.

В Лермонтовском театре, я считаю, у меня сразу счастливо сложилась актерская судьба – я играл по 20-25 спектаклей в месяц. А еще по утрам бежал на радио, где вел детские передачи, потом мчался в театр на репетицию, после чего была работа на телевидении, а вечером играл спектакль... Надо было подрабатывать, ведь на одну актерскую зарплату не проживешь. Сейчас я удивляюсь, как меня на все хватало!

– Профессия актера привлекательна еще и тем, что она дает уникальную возможность проживать тысячи жизней. Вам было дано побывать в разных эпохах, прикоснуться к сотням судеб, что, согласитесь, дорогого стоит. При этом каждый актер, особенно в молодости, мечтает сыграть Гамлета или Ромео.

– Не угадали. Я никогда не хотел сыграть ни Ромео, ни Гамлета, даже не знаю, почему. Всю жизнь я хотел сыграть Сирано де Бержерака. Может, на это повлияла работа народного артиста Ножери Чонишвили в Омском театре, где я одно время работал. Он блистательно играл Сирано! И тогда я влюбился в эту роль. Мне очень захотелось сыграть ее. Кстати сказать, Рубен Суменович ставил Сирано в нашем ТЮЗе, но потом уже не хотел его повторять в Лермонтовском. Так Бержерак прошел мимо меня, но я не жалею, ведь мне повезло сыграть Сальери в «Амадее». А это роль, которой судьба одаривает далеко не каждого.

– Гений и злодейство.

– Нет, Сальери не злодей. Это Александр Сергеевич Пушкин сотворил из него злодея. А он был великим педагогом. Достаточно сказать, что учеником Сальери был Бетховен, он сделал композитора из сына Моцарта. Правда, как сочинитель Сальери во многом проигрывал Моцарту, потому что создавал музыку в классических канонах своего времени. Но был, безусловно, незаурядным, талантливым человеком. Его оперой «Данаиды» открывался театр Ла Скала, Венская консерватория создана Сальери. Зачем ему надо было убивать Моцарта?

– Но соперничество между ними было.

– Соперничество было. И зависть, наверное, была, потому что этот мальчишка Моцарт, каким считал его Сальери, творил божественную музыку. Хотя Сальери был старше Вольфганга всего на шесть лет. В 31 год Сальери был уже первым капельмейстером империи, а Моцарт только начинал. Но такую музыку, которую создавал Моцарт, он сочинить не мог и не хотел с этим смириться. Впрочем, как любой творческий человек.

– А у вас есть чувство соперничества или зависти к успехам ваших коллег?

– Вы знаете, когда я вижу хорошую актерскую работу, невольно примеряю ее на себя в том плане, что не позволяю себе опуститься ниже. И не потому, что я завидую. Вот, скажем, сейчас в «Горе от ума» мы в очередь с Толей Креженчуковым играем Фамусова. Он прекрасно играет. В его трактовке это такой классический Фамусов, в котором есть что-то от гоголевского Городничего (его он, кстати, тоже играет). Мне это нравится.

Но мы разные Фамусовы. Я считаю, что Фамусов в молодости – это Чацкий, поэтому он так его любит. Фамусова сломала жизнь, заставив из романтика стать чиновником. Будущее он видит в своей дочери, которую до безумия любит. И хотя в конце режиссер, сократив, оставила заключительную фразу пьесы: «Моя судьба едва ли не плачевна? Ах! боже мой! что станет говорить княгиня Марья»

Алексевна!» – но у Грибоедова перед этим есть фраза: «Дочь, ты меня решила уморить». Вот ее-то я и считаю ключевой, потому что для Фамусова важно даже не то, что станет говорить княгиня Марья Алексевна, а судьба его дочери. Вот так мне представляется этот образ.

– Классической драматургии присуща глубина характеров, философские обобщения. А что вы можете сказать о современной драматургии, где вы тоже многое переиграли?

– Да, я играл в современных спектаклях, но считаю, что классика тем и велика, что она вне времени. Она современна во все времена, потому что пытается ответить на извечные вопросы о смысле жизни, затрагивает моральные, этические аспекты...

– Вы считаете, что современной драматургии не хватает этого?

– Мне сложно ответить на ваш вопрос, потому что я давно не играл современные пьесы. Хотя, если взять спектакль «Уроки французского» драматурга Алейна Рейно-Фуртона, который мы играем уже 18 лет, то это современная западная драматургия, своего рода трагикомедия с, казалось бы, простым сюжетом – учитель спасает проститутку, потом попадает в различные нестандартные ситуации, связанные даже с убийствами. Но мы договорились с режиссером, что этот спектакль, в первую очередь, будет добрым. Мой герой Амедей, этакий подкаблучник, почувствовав свободу, очень хочет создать семью, свой дом. Поэтому всех непутевых героинь он воспринимает как своих детей, за которых переживает, которых искренне пытается наставить на путь истинный.

В связи с этим спектаклем мне вспоминается такой эпизод. Несколько лет назад в Алматы приезжала группа преподавателей из театральных институтов Москвы и Петербурга, которые проводили здесь мастер-классы. В нашем театре у них была назначена встреча с замминистра культуры, но его самолет из Астаны задерживался, и гостям предложили посмотреть в Малом зале «Уроки французского». Спектакль, который шел в это время на большой сцене, они уже отсмотрели. После спектакля одна из профессором мне сказала: «Вы знаете, этот спектакль я смотрела в шести российских театрах, но только у вас поняла, о чем эта пьеса». Для меня это был самый большой комплемент.

– Вам везет в том плане, что у вас есть роли, которые вы играете в течение длительного времени, но лидером здесь, по-моему, является Баба Яга из спектакля «Василиса Прекрасная».

– На эту роль я попал случайно. Надо сказать, что спектакль ставился в канун 1974 года как проходной на время новогодних школьных каникул. Роль Бабы Яги играл Володя Назаров, и так случилось, что однажды он не пришел в театр, а я в это утро заехал посмотреть расписание. Вдруг ко мне подбегает помощник режиссера и кричит: «Миша, спасай, Назаров заболел, давай быстро на сцену!» – «Как! Я ведь даже не видел спектакля!» – «Ничего. Давай быстро переодевайся, текст мы тебе подскажем». В общем, нарядили меня, загримировали, и я выскочил на сцену. Не помню, как отыграл. Хотя текст и мизансцены мне действительно подсказывали, но, видимо, получилось неплохо, потому что Ирина Долиненко, прекрасный режиссер-постановщик, предложила мне и дальше играть эту роль. Не поверите, но спектакль жив до сих пор!

– Получается, что Баба Яга преследует вас вот уже свыше 40 лет!

– Более того, так сложилось, что я играл ее после серьезной травмы. Дело в том, что на съемках фильма «Так сложились звезды» о нашем Президенте Назарбаеве я получил компрессионный перелом позвоночника. Мне сделали операцию, причем сделали великолепно, и где-то через полмесяца после этого я сыграл Бабу Ягу на гастролях в Уральске – бегал, прыгал, лазил по канату... И когда показал этот спектакль, который был снят на камеру, своему лечащему врачу, даже он был поражен.

– Такие форс-мажорные обстоятельства часто бывали в вашей жизни?

– Конечно, без этого актерская судьба не обходится. Когда-то у нас ставился спектакль «Три мушкетера», Гена Балаев играл Д'Артаньяна, а у меня была небольшая роль де Варда. И вдруг мне звонят вечером: «Миша, приезжай, у Гены пропал голос, будешь играть Д'Артаньяна». Я приезжаю, мне дают текст роли, а спектакль был буквально кружевным, где одно действие цеплялось или вытекало из другого. Его ставил приглашенный режиссер Бируля. Ученик Товстоногова, он работал тогда в театре Ленкома в Питере, сейчас это Балтийский театр, у нас он ставил прекрасные спектакли. И вот всю ночь я учил эту роль, а она огромная. Утром прошла одна репетиция, а вечером я уже играл Д'Артаньяна.

– То есть слова «не могу» или «не умею» – это не для профессионального актера.

– Особенно «не хочу», ведь порой при распределении ролей можно услышать – «Ой, как я не хочу играть эту роль». Но надо понимать, что актер – профессия зависимая, прежде всего, от режиссера, поэтому в любой роли надо искать что-то привлекательное. Более того, надо уметь влюбить себя в роль, и тогда она получится.

Помню, у нас был спектакль, поставленный Евгением Диордиевым, – сейчас я и не помню, как он назывался, – в котором Юрий Борисович Померанцев играл маленькую роль писаря. У него было всего одно слово, вернее, даже не слово, а звук – «Е-е-е». И все! Правда, при этом он в течение практически всего спектакля находился на сцене. И знаете, когда он произнес этот звук, зал буквально взорвался аплодисментами.

– Что еще раз подтверждает слова Станиславского – нет маленьких ролей, есть маленькие актеры.

– Или вот у меня был спектакль «Конец» о последних днях войны. Помню, читаю распределение ролей – перечислены все персонажи, и вижу на последней строчке: офицер – Токарев. Думаю, какой офицер? Ведь я читал эту пьесу, никакого офицера там нет. Начали работу, и режиссер мне говорит: «Ты будешь все время при Гитлере, как бы его служба – принести, отнести, убрать»...

Кстати, у меня до сих пор хранятся страницы этой роли, где я буквально по секундам, по репликам других героев записывал, что я делаю и о чем в это время думаю. После сдачи спектакля худсовету министр культуры сказал: «Прекрасную бессловесную роль создал Михаил Токарев». И это было действительно так, потому что зрители следили за мной, ведь я не просто присутствовал как статист на сцене, а занимался делом. А когда на сцене занимаешься действием, это отвлекает внимание даже от текста, который произносят другие актеры.

В этом, на мой взгляд, отличие казахского зрителя от русского. Русский следит за действием, а казахский зритель – за текстом. Не случайно у казахов в традиции

айтысы. А что такое айтыс? Это соревнование в остроловии. Поэтому когда я бываю у своих коллег в Ауэзовском театре, то вижу, что зрители следят именно за словом, произнесенным на сцене, и реагируют прежде всего на него. В нашем театре по-другому.

– Эти национальные особенности зрителей тоже приходится учитывать?

– Конечно. Очень остро чувствовал зрителя режиссер Михаил Мамилов, постановщик «Амадея» по пьесе Питера Шеффера, он же ставил «Разбойников» Шиллера, «Тиля» Горина. Я был занят во всех его спектаклях. Талантливый режиссер, он сейчас живет в Риге.

– А вам зал помогает? Вы его чувствуете?

– Естественно. Хотя иногда зал бывает, как мы говорим, «мертвым», и тогда хочется его расшевелить, чтобы он немного привстал в креслах. Не засмеялся, не заплакал, а именно привстал, открыл глаз и немного удивился тому, что происходит на сцене. Хочется сделать так, чтобы зритель вместе с тобой стал сопереживать. Не переживать за тебя, а сопереживать вместе с тобой. И когда этот контакт устанавливается, спектакль удается. Знаете, когда я играл Сальери, после спектакля буквально падал в кресло и минут сорок приходил в себя.

– Огромная эмоциональная нагрузка...

– Добавьте к этому большую продолжительность спектакля – три с лишним часа, и 90 листов текста. Приходилось выкладываться по полной. Там был очень сложный и очень эмоционально насыщенный монолог с Богом, где Сальери упрекает Создателя в том, что тот обделил его талантом, отдав все мальчишке Моцарту. По сути, это бунт против Бога. И во время одного из спектаклей неожиданно в зрительном зале раздался крик: «Как ты смеешь так говорить!» А мы играли на Малой сцене, все рядом. Вижу, кричит девушка, с ней буквально истерика. И тут, к счастью, антракт, ее вывели из зала, вызвали «скорую» и увезли. И такое бывало.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЕ

От других актеров Лермонтовского театра Михаил Токарев отличается еще и уровнем своей образованности – у него три высших образования. Кроме Новосибирского театрального училища, он окончил педагогический институт в Семипалатинске, а затем, будучи уже состоявшимся актером, в 1986 году – филологический факультет КазГУ им. С. М. Кирова.

– В университете зарубежную литературу нам преподавала Светлана Михайловна Сагалович, на последнем курсе она дала мне дипломную работу – «Шекспир и Мольер как две альтернативные драматургические системы». Я тогда задумался, что же я напишу? А она: «Ты же актер, думай». И так случилось, что в том же 1986 году в Москве проходил чеховский театральный фестиваль, на котором я случайно встретился с Александром Абрамовичем Аникстом, это был знаменитый шекспировед. Я его спрашиваю, где мне найти литературу по такой теме? О Шекспире литературы больше чем достаточно, о Мольере тоже, а вот как провести сравнительный анализ? Он спрашивает: «Кто вам дал такую тему?» – «Мой педагог Светлана Михайловна Сагалович». – «Миша, этой темой никто не занимался. Если вы напишете дипломную работу, то потом сможете защитить по этой теме кандидатскую и даже докторскую диссертацию».

В итоге я написал эту дипломную работу, защищал ее почти час! А различие между этими драматургами я увидел, прежде всего, в том, что у Мольера герои четко разделены на добряков и злодеев, а у Шекспира человеческая личность противоречива.

– Оно и понятно – Мольер писал по канонам классицизма, тогда как Шекспира «уложить» в какие-то рамки невозможно. В то же время нас приучили на уроках литературы еще со школы всех героев делить на положительных и отрицательных, прямо, как у Мольера, и сейчас, по-моему, делят. Хотя человек многолик и многогранен, в нем все собрано – и хорошее, и дурное. Еще Достоевский говорил: «Широк человек, неплохо бы его сузить».

– В том-то и дело, поэтому Шекспир современен. Кстати, я до сих пор продолжаю учиться. Правда, сейчас это уже не учеба в привычном понимании этого слова, а скорее процесс приобретения тех или иных актерских навыков. Всегда смотрю, как работают другие актеры, и не только в нашем театре, и что-то обязательно беру для себя.

О СВОЕЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СУДЬБЕ

В наши дни 70 лет – это далеко не предел человеческой жизни. Этот возраст можно было бы назвать неким переходом от времени зрелости ко времени мудрости. Как считает Михаил Токарев, его жизнь сложилась удачно, хотя и в ней был элемент случайности: по настоянию матери после школы он пошел в педагогический институт. И лишь потом поехал с друзьями в Новосибирск и, как говорится, за компанию поступил в театральное училище.

– Да, так было, но актерство меня привлекало с детства – я занимался в драматическом кружке Дома пионеров, играл роли в народном театре. Но мама, которая была учительницей, хотела, чтобы и я пошел в педагогику. А когда поступил в театральное училище, перевелся в пединституте на заочное отделение и учился сразу в двух вузах. Скажу вам больше – такую жизнь, которую прожил я, вряд ли кто-нибудь повторит. Вот, некоторые актеры иногда начинают жаловаться: это не сложилось, то не получилось... Я никогда не роптал: не сложилось, значит, так угодно судьбе. Но она, эта судьба, все-таки была ко мне благосклонна: еще учась в Новосибирске, я работал в театре «Красный факел» с прекрасными актерами – это Анатолий Солоницын, это Ильин-старший, отец нынешних популярных актеров. Кстати, настоящее имя Солоницына – Отто, он был любимым актером Андрея Тарковского, играл у него Рублева, а тогда в новосибирском театре играл Бориса Годунова, а я его сына, царевича Федора. Эти актеры научили меня, как надо относиться к театру, к профессии. Я понял, что актерство – это не просто работа, это служение.

– То есть для вас это не было походом за славой.

– Наверное, так. Вероятно, во мне таилась некая искра божья, потому что после окончания училища мне предложили на выбор сразу семь театров – я выбирал между Благовещенском, Семипалатинском, Ашхабадом, «Красным факелом», Новосибирским областным театром, алма-атинским ТЮЗом и омским театром. Причем омский театр предлагал мне меньше всего – небольшой оклад и в перспективе служебную квартиру, хотя в других театрах сразу обещали первую актерскую категорию. Но я выбрал Омский театр, потому что там были велико-

лепные режиссеры – Яков Киржнер, Артур Хайкин, а также прекрасная плеяда актеров. Тогда это был очень мощный театр, который стал для меня прекрасной школой.

При этом, конечно, я не скажу, что чурался популярности, это было бы лукавством. Я был молод, за мной бегали девчонки... И мне это было приятно. Но дело даже не в этом – во время спектакля ты получаешь от зала такую огромную энергетику, что потом тебе не хочется с этим расставаться.

Когда я работал в Омске, меня пригласили в Москву, в театр имени Ермоловой. Владимир Андреев хотел, чтобы я сыграл главную роль в «Шоколадном мальчике», а кроме того, я прошел кинопробы и был утвержден на одну из ролей в фильме по роману Юрия Бондарева «Горячий снег». Но... меня забрали в армию, и все мои планы рухнули. Кстати сказать, в армию меня отправили под конвоем, в прямом смысле этого слова.

– Вот как! И почему же?

– Дело в том, что когда я уже собрался переезжать в Москву из Омска, дирекция театра попросила немного повременить, пока не будет сделана замена, ведь я играл сразу несколько главных ролей. И тут мне пришла повестка, но так как была большая загрузка в театре, я решил не ходить в военкомат.

Помню, мы играли спектакль «Так начиналась легенда», где у меня была небольшая роль немецкого солдата, после спектакля иду по коридору и слышу: «Миша, тебя к телефону». Это был внутренний телефон, я беру трубку, и вахтерша мне говорит: «Спустись, тут к тебе пришли». Прямо в костюме иду на проходную и вижу – стоит прапорщик и двое солдат. «Ну, – думаю, – вот я и попал». А прапорщик мне: «Токарев, собирайтесь, поехали с нами». – «Так прямо, в немецкой военной форме?» А сам думаю – пойду переодеться и другим ходом сбегу, уеду в Москву и пусть меня там ищут. Но когда я попросил разрешения переодеться, вместе со мной направили конвоира. Так, под конвоем, привезли домой, забрали все документы и уже утром следующего дня отправили воинским эшелоном к месту службы. Так я попал в Целиноград во внутренние войска. Как потом оказалось, я был призван по приказу командующего Сибирским военным округом как ведущий в ансамбль этого округа. Тогда им нужны были баянист, два танцора и ведущий. В Целинограде я прослужил полгода, а потом меня перевели в ансамбль в Алма-Ату, где я и дослуживал.

Интересно, что на второй год службы судьба подбросила мне еще одну альтернативу: по линии особого отдела мне предложили поехать во Львов учиться на факультете военной журналистики. Так что я мог сделать и шпионскую карьеру. Думаю, из меня получился бы неплохой Штирлиц. Но я отказался, сказав, что я актер и менять профессию не хочу.

К сожалению, жизнь не приемлет сослагательного наклонения – что было бы, если... Несмотря ни на что, я считаю, у меня счастливо сложились звезды. Каждые десять лет я играл какие-то этапные, знаковые роли. В 70-е годы это Пабло в спектакле «Третье слово, или Любовь дикаря», в 80-е – Сальери в «Амадее», в 90-е – Амедей в «Уроках французского», сейчас – Фамусов в «Горе от ума».

Кроме того, с 1974 года по 2014 я вел еще и все правительственные концерты, в том числе в Москве, в Питере, Киеве, Минске, Вильнюсе... Помню свой первый такой концерт, который был посвящен женскому празднику 8 Марта. Он

проходил здесь, в Алма-Ате во Дворце Республики, тогда он назывался Дворцом имени Ленина, на концерте присутствовало все ЦК во главе с Кунаевым. Я ему понравился как ведущий, и с легкой руки Динмухамеда Ахметовича я стал постоянным ведущим, как сейчас сказали бы, VIP- концертов.

Я знаком и с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, играл его наставника в фильме «Весна Темиртау», озвучивал его не однажды и в других киноработах, потому что даже знаю его интонации... Конечно, такая работа требует не только артистического мастерства, но и огромной ответственности. И я всегда понимал это, не позволяя не то что схалтурить, но даже просто расслабиться. Ведь это делалось на государственном уровне. Но актерского романа с кино у меня не получилось.

О ТАЛАНТАХ И ПОКЛОННИКАХ

Театр не может существовать без зрителей, а значит, и без поклонников. У Михаила Токарева их всегда было предостаточно. Но после того, как в 1977 году он сыграл главную роль в спектакле «Третье слово, или Любовь дикаря» испанского драматурга Алехандро Касоны, в Алма-Ате даже появился фэн-клуб, названный поклонницами его именем – «Токаревки».

– Не скрою, приятно было, когда я выходил после спектакля, а меня встречала целая толпа. Я тогда даже разучился ухаживать за девушками. Пока не влюбился и не женился. Без этого актерства не бывает: если есть таланты, то есть и поклонники, это еще Островский утверждал. Когда-то своих кумиров восторженная толпа выносила из театра на руках, даже кареты на руках носили... Одна из моих поклонниц признавалась, что ходила на этот спектакль более сорока раз. Потом она стала актрисой. Значит, хорошие театральные работы влияли не только на меня, но и я оказывал влияние на чью-то жизнь.

– Насколько я знаю, несмотря на успех, у спектакля «Третье слово, или Любовь дикаря» была непростая судьба.

– И весьма поучительная. Его мы играли всегда на аншлагах, где бы ни гастролировали. Но готовился спектакль, так сказать, вне плана, по инициативе самих актеров, без согласования с министерством. И когда мы его показали худсовету, спектакль зарезали. Помню, кто-то из членов худсовета сказал, что в академическом театре нельзя опускаться до мелодрамы, дескать, это один из низких жанров. Я так за него бился, что даже голос сорвал. Но тогда мы битву проиграли, а вскоре театр уехал на гастроли.

Когда труппа вернулась, тогдашний главный режиссер Владимир Захаров все же решил выпустить «Третье слово». Но худсовет снова не принял спектакль. И тогда Захаров сказал членам худсовета, что театр не выполняет план по новым постановкам, а значит, никто не получит премии. Наши великие задумались. Потом все же решили спектакль принять, но с условием показа его лишь на выезде, в селах. На основной сцене он был запрещен. Потом спектакль приняло министерство культуры, которое согласилось с решением худсовета, сделав оговорку: премьеру все же надо будет сыграть на основной сцене.

Мы ее сыграли, и спектакль был принят на ура! Билеты на него купить было просто невозможно! Зрители сидели на приставных стульях и просто в проходах на полу, а тогда в театре было более 800 мест. И так продолжалось весь сезон! И

когда я все это видел, то не только получал моральное удовлетворение – у меня возникало ощущение собственной нужности.

– В общем, сама жизнь все расставила по своим местам, показав, кто же истинный ценитель искусства.

О СЕБЕ

– Как я уже говорил, по отцу я грузин, его звали Михаил Георгиевич Садагашвили. Моего внука зовут, как прадеда, Георгий. А дочь – Лиана. Она тоже актриса, работает в России, в Тобольске, лауреат Государственной премии возрождения Сибири.

Однажды я спросил у своих грузинских родственников, как переводится наша фамилия, ведь у грузин, как у казахов, каждая фамилия имеет значение. Например, Омиадзе, оми – это война, тут понятно. А вот что означает Садагашвили? Никто не знал. И вот как-то мы сидели в кофе с Олжасом Сулейменовым, беседовали и разговор зашел о фамилиях. Я ему говорю – вот, никто не знает, как переводится моя фамилия по отцу Садагашвили. На что Олжас говорит: «Так в ней же тюркский корень: садак – это лучник, стрелец. Ты сын лучника».

И когда через несколько лет я снова приехал в Грузию на родину отца в село Квахврели под городом Гори, где полсела носит фамилию Садагашвили, во время традиционного застолья я спросил:

– Так вы до сих пор не знаете, что означает фамилия Садагашвили?

– Нет, не знаем, – отвечают.

– Садак в переводе с тюркского это лучник, стрелок, мы все дети лучников. Наверное, это пошло с тех времен, когда Тамерлан шел на Грузию.

– Нет, – поправляют меня, – это когда царь Давид объединял Грузию, он нанял кипчаков, которые у него были чем-то вроде современной нацгвардии, и с их помощью объединил страну. Потом эти кипчаки остались здесь жить, женились на грузинках, ассимилировались. А кипчаки – это те же западные казахи. Теперь нам понятно, почему ты в Казахстане живешь.

В Казахстане, служа в русском театре, я был русским. И только раз мне пришлось представлять всех грузин в большой серии станковой графики заслуженного художника республики Альберта Гурьева «Казахстан интернациональный». В ней под отцовской фамилией Михаил Садагашвили я был в замечательной компании: Олжас Сулейменов, Морис Симашко, Пак Ир... Работы часто экспонировались на официальных выставках Союза художников Казахстана.

А по маминой линии мой дед алтаец, а бабушка русская. У мамы жизнь была не простая. Когда стала комсомолкой, ее направили учиться в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина. Интересно, что у них там преподавала Крупская. Надежда Константиновна спрашивала маму, откуда она приехала, и когда узнала, что с Алтая, воскликнула: «О, это наша русская Швейцария!»

Окончив университет, мама вернулась в Горноалтайск, где заведовала молодежным отделом в обкоме партии. Вторым секретарем обкома был молодой парень, они полюбили друг друга и поженились. Но вскоре его арестовали, это были уже 30-е годы, пик сталинских репрессий. Маму исключили из партии. А через несколько дней ночью ей постучали в окно и сказали: «Беги, иначе утром

тебя тоже арестуют». И она бежала в Семипалатинск. По дороге еще были приключения. Вообще о жизни моей мамы можно целый роман написать.

В Семипалатинске у нее началась новая биография: она сменила свою алтайскую фамилию Тыдык на Токареву, поступила в пединститут на историко-географический факультет. О ее прошлом никто не знал. Во время войны была директором школы. А когда война закончилась, ее вызвали в райком и сказали: «Как директор школы, вы обязаны быть членом партии». И тогда она все рассказала, в 1946 году ее восстановили в партии.

Отец был военным инженером, и когда под Семипалатинском начали строить полигон, его перевели туда. Потом умерла его жена, остались две дочери. В Семипалатинске отец познакомился с мамой, и она стала его гражданской женой. Официально они не были расписаны, поэтому я ношу мамину фамилию, хотя не раз встречался с отцом, у нас были очень хорошие отношения. Когда во времена Хрущева началось резкое сокращение армии, и отца тоже отправили в запас, он уехал на родину в Грузию, где стал главным архитектором Тбилиси.

Я у мамы поздний и единственный ребенок – неожиданно для себя самой она родила меня в 42 года! Мама была удивительным человеком, она никогда не копила деньги, а все свои сбережения за год тратила на поездки по стране, в которые мы вместе отправлялись каждое лето, у учителей ведь большой отпуск. Так, еще мальчишкой я объездил пол-Союза. Мама открывала мне мир.

Поэтому когда сейчас пытаются поделить людей по национальностям, я считаю это большой глупостью – за века мы, люди, настолько перемешались, и утверждать, что в ком-то течет только одна кровь, по меньшей мере наивно. Может, поэтому я убежденный интернационалист: по отцу грузин, родной язык русский, практически всю жизнь живу в Казахстане. Я хочу, чтобы в каждой стране люди жили счастливо, чтобы они были духовно богаты. Ради этого мы, актеры, и работаем.

